

С. И. Лиман

Изучение проблемы феодализма в трудах медиевистов Украины (1804—первая половина 80-х гг. XIX в.)

Проблема изучения феодализма традиционно принадлежит к числу важнейших во всемирной истории. Сущность феодальных отношений пытались постичь уже их современники [см.: 1, I. 3. 23. 1–4, с. 149–150; II. 4. 10. 3, с. 235–236]. Обсуждение данной проблемы, сохраняющей острую актуальность и в последние десятилетия [2, с. 4–5; 3; 4], достигло особой остроты в XIX в. [ср.: 5, с. 93–94, 97–98]. Особенно это касалось исследований отечественных ученых. Современники великих общественно-политических реформ Российской империи, они в своих исторических исследованиях осуществляли поиск исторических аналогий, анализируя путь, уже пройденный к тому времени зарубежными странами.

Центрами подобных исследований в Российской империи являлись не только столичные университеты, но и высшие учебные заведения Украины. Уже на первом (раннем) этапе развития медиевистики (1804—первая половина 80-х гг. XIX в.) харьковские, киевские, одесские, нежинские ученые неоднократно обращались к характеристике феодализма в своих лекционных курсах и в научных публикациях. Однако анализ их исследований сущности феодализма до сих пор не оформлен в отдельный научный труд. В историографической литературе традиционно подчеркивался вклад в разработку данной проблемы в первую очередь западноевропейских или московских и петербургских ученых [5, с. 92, 183–186, 288–289 и др.; 6, т. 1. С. 458, 471, т. 2. с. 336, 371 и др.; 7, с. 309 и др.]. Отдельные аспекты, связанные с обращениями медиевистов Украины к проблеме феодализма, весьма ограниченно затрагивались лишь в некоторых публикациях [5, с. 307, 315–316; 8, с. 37–41; 9, с. 84, 189–190, 193; 10, с. 314; 11, с. 55–60; 12, с. 232; 13, с. 111–112]. Они дают некоторое представление о воззрениях на различные стороны феодальных отношений в трудах отдельных, наиболее крупных ученых (И. В. Луцицкий, М. М. Лунин, Ф. И. Успенский). Целиком очевидно отсутствие комплексного решения данной проблемы, в том числе в нашей монографии [14, с. 182–192], поскольку и в ней проблема феодализма в трудах медиевистов Украины структурно не выделена в отдельный подраздел. Это будет впервые осуществлено в данной публикации.

Специальных крупных исследований, посвященных непосредственно проблеме феодализма, в Украине в 1804—первой половине 80-х гг. XIX в. создано не было. В общероссийской медиевистике первым таким специальным обращением к проблеме феодализма может считаться магистерская диссертация крупного ученого Московского университета П.Г. Виноградова «Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии», опубликованная лишь в 1880 г. Медиевисты Украины обращались к проблеме феодализма в рамках лекционных курсов, а также в рецензиях, актовых и публичных лекциях, в некоторых научных статьях, однако фундаментальных монографий по этому вопросу в нашем регионе подготовлено не было.

В первой трети XIX в. в европейской медиевистике внимание исследователей обращалось на политико-правовые признаки феодализма. В открытом в 1804 г.

Харьковском университете — первом среди университетов украинских земель Российской империи — указанные, свойственные еще просвещенцам, тенденции являлись преобладающими. Наиболее универсально этот взгляд выразил в 1810 г. профессор кафедры гражданского и уголовного права И. Ф. Тимковский, изобразивший феодальное право как «шумное явление средних веков» [15, с. 17]. Однако ни традиции европейской медиевистики того времени, ни профессиональный статус правоведа И. Ф. Тимковского не помешали ему совершить в своей актовой речи «О поместьях» экскурсы в историю аграрных отношений средневековой Западной Европы. Ученый представил характеристику феода как формы земельных владений в средние века и показал суть феодальной иерерхии, основанной на отношениях земельной собственности [15, с. 12, 17]. Данная им характеристика феода принята без существенных изменений и в современной медиевистике¹.

Однако попытка И. Ф. Тимковского выйти за политико-правовые рамки изложения сущности феодализма все же не отражала основных тенденций медиевистики его времени. И четверть века спустя харьковский профессор всеобщей истории В. Ф. Цых в феодальной системе усматривал, прежде всего, «раздробление феодальных земель», силу, враждебную королевской власти и «муниципальной системе» [17, с. 112]. Его старший современник, адъюнкт Харьковского университета И. И. Дьячков справедливо указывал на закономерную ожесточенную борьбу различных социальных групп в средние века [18, с. 11]. Но и он, несмотря на очевидный интерес к социальным признакам средневековья, по сути сводил феодализм к политико-правовой модели, которой противопоставлял королевскую власть — носительницу государственного единства. Этот «феодализм со всеми исчадиями междоусобия» в позднее средневековье «постепенно сокрушался под могущественной рукой самодержавия» [18, с. 12]. Тем самым И. И. Дьячков, подобно своим современникам, ошибочно выводил феодальную по своей сути королевскую власть за рамки самой феодальной системы. Отметим, что в европейской медиевистике подобные воззрения были распространены и в последней трети XIX в. Например, известный немецкий ученый О. Гирке рассматривал сущность феодализма в традиционной политико-правовой плоскости, хотя и указывал среди других прав, образующих феодальные отношения, на права земельной собственности [19, S. 153].

С середины 30-х гг. XIX в. как в общероссийской медиевистике, так и в медиевистике украинских земель заявляет о себе новое поколение ученых. При всей пестрой мозаике феноменов средневековья одним из главных его «оснований» все они, в том числе знаменитый профессор Московского университета Т. Н. Грановский, по-прежнему называли феодализм [20, с. 92, 190; ср.: 21, с. 448; 22, л. 1]. В то же время теоретические построения медиевистов по данной проблеме, разумеется, изобиловали как сходствами, так и различиями их авторских подходов.

Современник Т. Н. Грановского, профессор кафедры всеобщей истории Харьковского университета М. М. Лунин неоднократно обращался в своих лекциях к сущности феодализма. Феодализмом он называл «раздробление европейских наций и верховной власти на бесчисленное множество небольших народов и властелинов или, лучше сказать, отсутствие всякой нации, всякого центрального правительства, одним словом — проявление индивидуальности...» [21, с. 448]. М. М. Лунин полагал, что феодальная система «начинает развиваться в конце X столетия на обширных развалинах монархии Карла Великого». Во Франции, например, как стране классического феодализма, эта эпоха заключается «между царствованиями Гуго Капета и Филиппа

¹ При всей ныне обострившейся дискуссионности проблемы феодализма и разнообразии предлагаемых трактовок, в постсоветской медиевистике в целом устойчиво мнение о том, что «аграрная история средневековья, в сущности, — история того, как возник, развивался и умирал феодализм» [16, с. 75].

из Дома Валуа, т. е. XI, XII и XIII ст. Это самые цветущие времена ее владычества и в прочей Европе» [21, с. 448], — указывал он. Отметим, что подобную точку зрения высказывал до М. М. Лунина и его современник, Ф. Гизо, считавший, что феодальная система охватывала время с начала X по XIII вв. [23, с. 72].

Укажем, однако, на некоторые противоречия концепции М. М. Лунина. В отличие от пробной лекции, в курсе своих лекций по истории средних веков он приписывал «феодализму» (или «ленной системе») более древние черты. «Уже в эпоху Меровингов ленный институт сделался важным основанием для военного управления Франкской монархии» и «быстро начал развиваться в течение периода Каролингов» [24, тетр. 34, л. 8]. Разумеется, процесс этот, как признавал сам М. М. Лунин, был довольно длительным. Ленная система развивалась постепенно, пока не привела к тому, что Франция при последних Каролингах «раздробилась на бесчисленное количество больших и малых ленов, наследственные владельцы которых пользовались каждым удобным случаем к распространению своих владений и прав» [24, тетр. 38, л. 6].

Эпохой упадка феодализма, как и Римской церкви, М. М. Лунин считал XV в. [25, л. 1, 8]. «Развитие монархического элемента и городских общин действовало разрушительно на ленную систему», — отмечал он [25, л. 8]. Помимо усиления королевской власти одной из главных причин упадка феодализма М. М. Лунин справедливо считал «распространение и развитие городов и общин» [21, с. 460]. Тем самым ученый дополнил политические факторы разложения феодальной системы социально-экономическими.

В этой общеевропейской формуле М. М. Лунин делал важные поправки, объяснимые особенностями внутреннего развития ведущих европейских стран. Так, причину упадка феодализма в Пиренейских государствах он связывал с реконкистой и необходимостью укрепления государственных начал [21, с. 451], во Франции — с «сильным правлением» Филиппа II Августа, Людовика IX Святого, Филиппа IV Красивого, Людовика XI и истреблением феодалов в Столетней войне [21, с. 452]. Самым страшным ударом, нанесенным английской феодальной аристократии, М. М. Лунин верно считал войну Алой и Белой Розы [21, с. 453]. Длительное сохранение феодальных отношений в Германии и ее раздробленность он связывал со слабостью власти императоров, «занятых войнами в Италии» [21, с. 454]. Тем самым политические и социальные признаки феодализма, по его мнению, были главными.

Экономический крен заметнее в трактовке феодализма, предложенной еще в начале 40-х гг. XIX в. профессором кафедры всеобщей истории Киевского университета Св. Владимира А. И. Ставровским. «Основанием феодальной системы, — указывал он, — служил раздел завоеванных земель между лицами, принимавшими участие в завоевании оных» [26, с. 82]. Ее первой ступенью ученый считал аллодиальное владение. Попытки А. И. Ставровского представить аллод органической составляющей системы феодализма тем более важны, что большинство отечественных медиевистов XIX в. будут считать эпохой феодализма время, наступившее после распада Каролингской империи. В связи с этим прозорливое обращение А. И. Ставровского к социально-экономическим признакам феодализма заслуживает особого внимания. Примечательно, что А. И. Ставровский выступил с подобной трактовкой раньше известного московского медиевиста П. Н. Кудрявцева, которому традиционно приписывали попытку усматривать в феодализме не только политические, но и, «прежде всего, отношения поземельные» [ср.: 6, т. 1, с. 458].

Появление вслед за аллодом бенефициев и феодалов А. И. Ставровский изображал естественным процессом и верно указывал на то, что «переворот в собственности произвел совершенную перемену в государственном правлении» [26, с. 84]. В результате «система феодализма, которая, казалось, сперва весьма надежно могла содействовать системе внешней безопасности и служить ручательством внутреннего порядка и спокойствия, сделалась источником неустойчивости, насилий, самовластия и междоусобий» [26, с. 85]. Неизбежным следствием установления этой феодальной системы А. И. Став-

ровский считал массовое закрепощение, в том числе добровольный отказ от свободы многих «вольных людей» «для приобретения безопасности и средств к содержанию» [26, с. 85]. Эту феодальную систему ученый изображал наиболее враждебной двум «элементам»: монархическому и демократическому (городскому), которые до XI в. не могли ей реально противостоять.

Не столь развернутую, но схожую, хотя и довольно образную, картину данного явления нарисовал И. А. Сливицкий: «Утвердился феодализм. Масса народная склонилась выю под иго рабства; владельцы земли захватили право собственности и свободы. Государям едва осталась тень власти» [27, с. 6]. Если учесть, что даже И. Ф. Тимковский рассматривал, пусть и кратко, поземельные отношения средневековья, а М. М. Лунин указывал на них в курсах своих лекций, то вкупе с высказываниями А. И. Ставровского и И. А. Сливицкого они дают нам право утверждать: уже в первой половине XIX в. экономические признаки феодализма учитывались исследователями в той или иной мере, хотя априори преобладал политико-правовой подход. Этот ранний интерес медиевистов Украины к социально-экономическим аспектам не следует отождествлять с зарождением социально-экономического направления в медиевистике. Появление такового в общероссийском масштабе обычно относят к 70-м гг. XIX в. [5, с. 311; 28, с. 63–64].

С середины XIX в. в трудах и программах ученых Украины встречается значительно больше материала по данному вопросу. Это связано, разумеется, не только с успехами развития отечественной медиевистики, но и с особенностями источниковой базы: основной корпус как опубликованных, так и рукописных материалов по истории изучения в Украине зарубежного средневековья относится ко времени с середины XIX в.

Сохранился обширный источниковый пласт с изложением сущности феодализма. Наряду с ведущими специалистами кафедр всеобщей истории М. Н. Петровым, В. К. Надлером, И. В. Лучицким, Ф. Я. Фортинским, В. Я. Шульгиным, свой взгляд на сущность феодализма представили славист А. С. Будилович, византинист Ф. И. Успенский, юристы Д. И. Каченовский, А. Н. Стоянов, О. О. Эйхельман, лекторы общей гражданской истории Киевской духовной академии Ю. Д. Подгурский, А. Розов и др. При разных подходах в определении феодализма ученые, как правило, сходились в вопросе о времени его существования. Вслед за Ф. Гизо они пытались ограничить время окончательного утверждения и развития феодализма X—XIII, реже IX—XIV вв. [29, № 4, с. 5; 30, с. 1; 31, с. 3; 32, с. 15; 33, л. 20–21].

Воззрения медиевистов на сущность феодализма не всегда оставались неизменными. Определенную эволюцию в концепции феодализма можно проследить в творчестве профессора кафедры всеобщей истории Харьковского университета М. Н. Петрова. В своей магистерской диссертации, подготовленной в 1850 г., он отстаивал теорию синтеза. «Феодализм, — писал ученый, — есть военно-предохранительная система территориальных учреждений, своим началом и окончательным развитием обязанная не только германцам, но и римлянам» [34, с. 71]. Как известно, в общероссийской медиевистике середины XIX в. эту теорию синтеза решительно отстаивал С. В. Ешевский. В лекциях М. Н. Петрова 70-х гг. XIX в. теория синтеза, по сути, подменяется германистической теорией. «Германский элемент являлся преобладающим в Европе, и это преобладание выразилось в феодальном устройстве, распространившемся в это время на всем пространстве Западной Европы, — настаивал М. Н. Петров. — Феодализм естественным образом развился из общественного быта древних германцев, в котором преобладали две формы: территориальная и военная» [35, л. 1]. «Из этих-то двух форм, перенесенных на почву древнеримского мира, и образовалось феодальное устройство, распространению которого очень способствовал воинственный дух древних германцев» [35, л. 2]. Отсутствие в обществе высшей центральной власти, сознание неограниченной личной свободы, внесенное германцами в завоеванный мир, а также «наследственность ленов и государственных должностей» М. Н. Петров считал главными причинами установления в Европе феодальной раздробленности [35, л. 7 (об.)–8 (об.)].

Эта концептуальная линия М. Н. Петрова во многом близка идеям, высказанным в начале XIX в. «отцом германской истории права» К. Эйхгорном, который считал, что феодализм вырастал из индивидуализма древних германцев [ср.: 7, с. 309].

Признавая феодализм «величайшим злом» [35, л. 11], М. Н. Петров все же считал феодальное устройство «необходимостью того времени и единственной возможной в то время формой общественной жизни» [35, л. 9]. «Положительное влияние феодализма на потомство» М. Н. Петров усматривал в следующих чертах: «сознании индивидуального достоинства человека»; «развитии семейной жизни преимущественно пред общественной»; в том, что «феодализму обязана Западная Европа освобождением от покушений теократии»; в появлении рыцарства [35, л. 15–16].

Временем существования феодальной системы М. Н. Петров считал время с X до XIV в. [35, л. 1, 4]. Тем самым, подобно М. М. Лунину и Т. Н. Грановскому, он взял за основу хронологический рубеж Ф. Гизо. При освещении закономерностей упадка феодализма М. Н. Петров выделял, прежде всего, союз городов с королевской властью [35, л. 14]. Данная трактовка была вполне традиционной для современной ему медиевистики.

Другой харьковский медиевист В. К. Надлер также считал, что феодализм утвердился в Европе лишь к X в., а до этого времени он еще «не сделался всепроникающей общественной силой» [36, с. 6]. Перечень черт феодализма в изображении харьковского ученого включал как политико-правовые, так и социально-экономические признаки: систему вассалитета, соперничество монархической власти со знатью, особенности военного устройства, значение рыцарства, роль «сословия свободных людей», развитие городов, ремесла и торговли [36, с. 6–7].

Ко времени после падения империи Карла Великого относили феодальную систему профессор кафедры всеобщей истории Нежинского историко-филологического института П. И. Люперольский [37, с. 15] и профессор кафедры всеобщей новой гражданской истории Киевской духовной академии Ю. Д. Подгурский [38, л. 42–44; 39, л. 84–91]. Таким образом, «явление феодализма и подчинение ему западноевропейской жизни» Ю. Д. Подгурский выводил из событий, происшедших не ранее середины IX в. В свою очередь ученый признавал «сродность феодального духа германскому миру» и «торжество его при слабости государственного начала» [39, л. 87]. Тем самым среди признаков феодализма Ю. Д. Подгурский на первый план выдвигал преимущественно политические факторы, по сути, солидаризируясь в этом вопросе с учеными эпохи Просвещения, считавшими главным признаком феодализма политическую раздробленность.

Подобно Ю. Д. Подгурскому, его коллега по Киевской духовной академии профессор А. Розов считал, что «начала феодализма» в Европе устанавливаются лишь после окончательного разделения империи Карла Великого [40, л. 58 (об.)], а «торжество феодализма» в Италии и Германии — после прекращения династии Гогенштауфенов [40, л. 59 (об.)]. В свою очередь факторами, способствовавшими началу «разложения феодального строя», А. Розов называл зарождение городов и возвышение королевской власти [40, л. 59 (об.)]. К тому времени это была уже традиционная точка зрения.

Профессор кафедры всеобщей истории Киевского университета Св. Владимира В. Я. Шульгин в своем подходе к сущности феодализма выделял, главным образом, социально-экономические аспекты. Феодальные отношения, в его трактовке, основаны на отношениях земельной и личной собственности. «Начало феодальной системы скрывается в общественном быту германцев, а основанием ее служил раздел завоеванных земель Западной Римской империи» [41, с. 47–48]. Из процесса феодализации В. Я. Шульгин выводил и последующий упадок королевской власти, особым рубежом развития которой, как и рубежом господства феодальных отношений, считал распад империи Карла Великого [41, с. 49].

О феодализме много писал крупнейший представитель отечественной медиевистики, профессор кафедры всеобщей истории Киевского университета Св. Влади-

мира И. В. Лучицкий. Несмотря на то, что главным университетским лекционным курсом И. В. Лучицкого была новая история, он начинал ее изложение еще с первых веков развитого, а иногда и с отдельных событий раннего средневековья. Такой подход ученого вполне объясним одной из главных его теоретических доктрин: «Почва, на которой выросли учреждения Новой Европы, был средневековый феодальный строй. От всех комбинаций, в каких проявлялся этот строй, и от различий, которые существовали в этом строе в различных государствах средневековой Европы, зависело и различное развитие их в новое время» [42, л. 2].

И. В. Лучицкий традиционно придавал огромное значение внутренним проблемам, указывая и в лекциях, что предметом его будет история «не во внешних ее событиях»; «главное внимание будет обращено на историю развития учреждений и изменений общественных отношений» [42, л. 1.]. Ученый выделял существенные отличия, присущие феодальному строю ведущих западноевропейских государств. Страной, в которой «феодализм наиболее развился», И. В. Лучицкий справедливо считал Францию [42, л. 3]. В Англии же «феодальный строй выражался в прямо противоположной форме французскому: вся сила и могущество находились не в руках вассалов, а сюзерена-короля», в результате чего борьбу здесь начали вассалы против королей, а не наоборот [42, л. 4]. Германию И. В. Лучицкий относил к третьему типу феодализма. Здесь центральная власть «оказывается могущественной лишь весьма короткое время и делает для вассалов совершенно ненужным союз с городами...» [42, л. 7]. Однако «экономический пресс», заметный в творчестве И. В. Лучицкого, не помешал ему признать, что сам феодализм, пусть и «косвенно», «был социальной и легальной системой управления, а следовательно и политической» [42, л. 31].

В первую очередь материальные признаки феодализма выделял и коллега И. В. Лучицкого по кафедре всеобщей истории Киевского университета, профессор Ф. Я. Фортинский. «Экономической основой феодального общества была поземельная собственность, — указывал он. — В городах значение поземельной собственности отходит на второй план, причем главную роль начинает играть капитал» [43, л. 6]. Последняя трактовка, по сути, ставит вопрос о соответствии городской организации самой феодальной системе. Чужды ли они друг другу? Ф. Я. Фортинский давал скорее положительный, чем отрицательный ответ на этот вопрос, когда писал, что «корпоративных учреждений феодальная организация общества не знает» [43, л. 4 (об.)]. Это подводило Ф. Я. Фортинского вплотную к рассуждениям его предшественников, противопоставлявших средневековый город феодализму, и во многом нивелировало социально-экономические подходы киевского ученого к этой ключевой дефиниции. Вот почему Ф. Я. Фортинский писал, что при разработке теорий возникновения городов «необходимо будет коснуться внутренней стороны первоначальной средневековой жизни, причем мы увидим, что города имели характер, несомненно, революционный» [43, л. 3]. С этой точки зрения вполне предсказуема его острая критика в адрес романистической теории Ф. К. Савиньи, которую он считал «не имеющей в настоящее время научного значения» [43, л. 19 (об.)].

Взгляды на феодализм еще одного киевского ученого, автора гимназического учебника по истории средних веков, Ю. Функе были, по сути, традиционными для медиэвистики его времени. Отметим, однако, в рассуждениях автора одну существенную деталь: считая, подобно своим предшественникам и современникам, что феодальная система «развилась в монархии Карла Великого» [44, с. 55], он делал одну весьма важную поправку. Феодальная система, — указывал Ю. Функе, — «возникла *раньше* (курсив наш — С. Л.), но получила развитие при Каролингах и с тех пор надолго стала связующим государственным началом и фактором, обуславливающим собою все проявления общественной жизни» [44, с. 54]. Основой вассальных отношений Ю. Функе верно считал обладание земельной собственностью и, лишь как производное от нее, личные отношения, подкрепленные «ленной присягой» [44, с. 55]. Начало формирования раннефеодальных отношений Ю. Функе, по сути, относил еще ко времени завоевания германцами римских

провинций. Эволюция земельной собственности от аллода к феодеу была раскрыта автором довольно поверхностно, без упоминания бенефициальной ее формы, отмеченной еще за 40 лет до него А. И. Ставровским [26, с. 84], однако такой подход, возможно, диктовался адаптированными требованиями, предъявляемыми к гимназическим учебникам. В то же время сам процесс роста крупной земельной собственности и массового закрепощения крестьян, описанный Ю. Функе, в целом позволял понять причину усиления феодального сепаратизма и ослабления центральной власти. «По мере развития феодализма, крестьяне-земледельцы потеряли свободу», — отмечал автор, — в то время как «вассалы сделались почти независимыми державцами» [44, с. 56]. Закономерность этого процесса, отмеченная Ю. Функе, очевидна.

О сущности феодализма высказывались и историки права. Профессор кафедры международного права Харьковского университета Д. И. Каченовский считал, что «под именем ленной системы нужно разуметь совокупность договоров и обычаев о разделении и защите земли». «Политическая централизация чужда феодальному порядку», — указывал он [45, с. 240]. Что же касается значения феодальной системы в истории Европы, то она, по определению Д. И. Каченовского, «связала запад, при переходе от варварства к оседлости, прочным цементом, положила конец бродяжничеству, прикрепила народы к земле, устроила недвижимую собственность и пробудила в каждой группе, в каждом отдельном классе жителей солидарность, корпоративный дух» [45, с. 240].

Аналогичным образом идею об этом корпоративном духе феодализма отстаивал профессор кафедры истории важнейших законодательств, древних и новых Харьковского университета А. Н. Стоянов. Он называл феодализм одной из «форм общественных союзов» [46, л. 10], и, подобно Ф. Гизо, считал временем действия феодализма во Франции X—XIII вв. [46, л. 10], а временем «падения феодализма» в этой стране — XV—XVI вв. [46, л. 13].

В духе Ф. Гизо, но с несомненными заимствованиями идеи многофакторности у современных ему позитивистов А. Н. Стоянов дал развернутое определение феодализму: «феодализм представляет собой целую систему, обнимавшую все стороны общественной жизни, как право, так и государство. Система эта положила землевладение в основу политической власти, раздробив последнюю в руках целой иерархии господствующих лиц, от сюзерена-короля или императора до барона или последнего вассала включительно» [47, с. 306]. Одними из основных элементов формирования классических феодальных отношений А. Н. Стоянов считал бенефициальную систему и вассалитет, отдавая им очевидное предпочтение в сравнении с процессом закрепощения крестьян. В последнем случае ограниченность подхода ученого целиком очевидна.

А. Н. Стоянов высказался и о заслугах феодальной системы. Эта заслуга, по мнению ученого, заключалась в том, что сама феодальная система, хотя и принесла раздробленность, тем не менее «установила какой-либо государственный быт и спасла Европу от дальнейшей и бесповоротной неурядицы, от деспотизма императоров и теократии пап. Феодализм со своим военно-аристократическим устройством был очень кстати в то время, когда с востока, севера и юга грозили норманны и арабы» [48, с. 76]. А. Н. Стоянов почти повторил за Д. И. Каченовским и Ф. Гизо характеристику социальных отношений при феодализме, заменяя, впрочем, их оригинальные термины «бродяжничество» [45, с. 240] и «бродячая жизнь» [23, с. 55] на «бродячее население». «Феодальная система, — писал А. Н. Стоянов, — ...прикрепила бродячее население к земле, купив такой результат, правда, дорогой ценой крепостничества; но, тем не менее, для тогдашних государственных и общественных потребностей и это учреждение принесло на время некоторую пользу, так как иначе, без этой юридической спайки между высшим и крестьянским сословием, нельзя было избежать анархии» [48, с. 78]. Напомним, что о «необходимости», «неизбежности» и пользе феодальной системы писал и Ф. Гизо [23, с. 59].

Изучение сущности феодализма обычно велось учеными на западноевропейском материале. Слависты обращались к данной теме редко. Причину этого следует искать

в том, что сам феодализм, как правило, изображался явлением, привнесённым на славянскую почву извне. Это отражало определенные тенденции общероссийской медиавистики. В отличие от Т. Н. Грановского, признававшего развитие феодальных отношений и у славян, другой известный московский профессор П. Н. Кудрявцев считал феодализм достижением прежде всего Западной Европы («более нежели половины европейского мира») [49, с. 7]. Согласно создателю первой законченной европейской концепции средневековья В. Робертсону, феодализм — порядок, общий для всех европейских стран [см.: 7, с. 245]. В свою очередь, М. Блок впоследствии доказывал, что даже в Западной Европе, которая, по его мнению, нигде и никогда не была феодализирована полностью, «феодализм оставил большие белые пятна» [50, с. 451].

Известный киевский ученый М. Ф. Владимирский-Буданов ошибочно считал, что в Польше до распространения здесь немецкого права вообще отсутствовал феодализм [51, № 8, с. 517]. Профессор Нежинского историко-филологического института А. С. Будилович настаивал: «На юго-славянскую почву род феодализма, но очень своеобразного, принесен турками» [52, с. 16], и только в Боснии и Герцеговине «феодализм европейский предшествовал... феодализму турецкому» [52, с. 16]. Впрочем, и это могло быть объяснено близостью Венгрии и ее влиянием¹. А. С. Будилович верно оценивал развитие феодализма как одну из причин падения Сербского государства, однако считал, что «Латинская империя в Цареграде, потом Угрия и Венеция были центрами этого феодального влияния». Сила турок же, по его мнению, заключалась в том, что они «ранее всех в Европе» ликвидировали у себя феодализм [53, с. 11]. Ошибочность последнего утверждения объясняется тем, что под феодализмом понимались, прежде всего, политические структуры.

Тезис о глобальном, а не только европейском характере феодализма, отстаивал киевский ученый О. О. Эйхельман. Феодализм, — писал он, — «не есть исключительно средневековой Европе свойственное явление...» [54, с. 52]. Однако, признавая, что исходной точкой формирования феодальных отношений стала «завоевательная политика», О. О. Эйхельман ошибочно изображал феодальную раздробленность как результат не социально-экономических изменений, а как следствие неэффективного противодействия центральной власти аристократии. «Феодализм, как распадение общественной власти по рукам баронам, — указывал он, — есть результат неспособности водворить необходимый централизованный порядок в быстро собранных громадных государствах» [54, с. 52].

Позднее других среди ученых украинских земель к характеристике феодальных отношений обратились византинисты. Главные достижения в этом направлении связаны с научной деятельностью профессора Новороссийского (Одесского) университета Ф. И. Успенского. Через все свое творчество Ф. И. Успенский пронес убеждение в том, что греко-славянский мир «заслуживает, по меньшей мере, столь же усердного изучения, как и романо-германский мир» [55, с. 2–3]. «Нельзя уже более приписывать византийской истории не принадлежащих ей качеств и придумывать для нее особенные формулы векового застоя или неукротимого стремления к падению, — подчеркивал Ф. И. Успенский. — Своеобразие средневековой греческой истории не исключает аналогий и сближений с соответствующими периодами средневековой европейской истории» [56, с. 31].

При изучении поземельных отношений и процесса феодализации в Византии Ф. И. Успенский особое внимание уделил институту пронии — проблеме, сохраняющей свою научную актуальность еще целое столетие [см.: 57, с. 25]. Уже в источниках XII в. выражалась обеспокоенность процессом распространения проний, поглощавших

¹ Однако тот же А. С. Будилович признавал, что «период уделов, словно какая-то политическая оспа всех Славянских государств, существовал у всех их и почти одновременно (в XI—XIII вв.)» [52, с. 22]. Тем самым не отвергалась синхронность аналогичных процессов в Западной и Славянской Европе.

свободную крестьянскую общину [58, с. 193]. По определению Ф. И. Успенского, до сих пор остающимся классическим, прония представляла собой «пожалование служилым людям населенных земель и других приносящих доход угодий в награду за оказанную услугу и под условием исполнения определенной службы с пожалования» [59, с. 5]. Оно, по сути, созвучно с тем определением, которое впоследствии даст пронии хорошо известный ее исследователь, югославский ученый Г. Острогорский [60, с. 37], а также ряд ведущих советских и российских византинистов [61, с. 35; 57, с. 22–31; 62, с. 59–61; 63, с. 215, 219; 64, с. 63, 81]. Таким образом, отмеченный Ф. И. Успенским условный, временный характер прав пронии (управления и владения) и подчеркнутые им общие черты, сближавшие пронию с западноевропейским бенефицием, следует считать абсолютно доказанными. Уточнения последующих исследователей, в том числе о том, что в юридическом отношении прония — не иммунитет [65, р. 178], едва ли добавили здесь что-либо новое.

Этимологические разыскания позволили ученому доказать, что «прония» — не славянское слово. «Специальное значение, — указывал он, — прония приобретает при посредстве не всегда соединяемого, но всегда подразумеваемого слова дар или пожалованье (*dorea*), являясь, таким образом, даром с определенным условием, для определенной цели — *dorea chata logon pronoiias*» [59, с. 2]. Но если данное доказательство не может вызвать возражений, по крайней мере, по сути, то предпринятая Ф. И. Успенским попытка датировки процесса возникновения пронии не привела к однозначным трактовкам в византинистике по этой проблеме. Даже сам ученый склонен был считать, что в привлеченных им источниках (Морейская хроника, Пира и др.) «дата обнаружения слова не может совпадать с датой обнаружения в жизни тех отношений, которые подразумеваются под этим словом» [384, с. 2], а употребление термина *rgonoia* в этих документах представляется «не в общем и не в конкретном, а в среднем и переходном значении» [59, с. 3]. Тем не менее сам термин *rgonoia* одесский историк находит на страницах источников уже X в. Аграрные отношения, основанные на пронии и зависимости крестьянства, получили, по его мнению, окончательное распространение в годы правления императора Мануила Комнина (40–70-е гг. XII в.), а в XIV в. прония распространяется и в славянских землях, в частности, в Сербском царстве [59, с. 13]. Отметим, что вопрос о времени возникновения пронии до сих пор остается одним из наиболее дискуссионных в литературе по данной проблеме. Так, если Г. Г. Литаврин полагал, что пронии «уже в XI в. распространились на свободных налогоплательщиков» [61, с. 35], то, например, А. П. Каждан считал, что только с XIII в. прослеживаются характерные черты пронии как сложившегося социально-экономического института [66, с. 228]. При этом не все позднейшие византинисты считали пронию формой землевладения; некоторые трактовали ее как пожалование налога, то есть фискальных прав, которые раньше принадлежали государству [см.: 67, р. 232; 68, р. 683–684; 69, р. 164–171; ср.: 70, с. 505].

Таким образом, изучение учеными украинских земель Российской империи сущности феодализма осуществлялись на протяжении всего первого этапа медиевистики (1804—первая половина 80-х гг. XIX в.). Регулярные обращения к этой проблеме происходили как в рамках обязательных учебных дисциплин, так и в научных исследованиях (статьях, рецензиях, актовых речах). Феодализм традиционно рассматривался как одна из главных доминант средневековой эпохи. Отметим сравнительно раннее обозначение медиевистами Украины не только политико-правовых, но и социально-экономических признаков феодальной системы, в том числе поземельных отношений (И. Ф. Тимковский, И. А. Сливицкий, Ф. Я. Фортинский, Ф. И. Успенский). Однако среди составляющих этой системы в целом доминировали политическая раздробленность и борьба против центральной власти. Страной классического феодализма обычно признавали Францию. Сама разработка понятия феодализм велась, прежде всего, на западноевропейском материале, поскольку медиевисты Украины считали,

что в славянские земли он был привнесен извне (А. С. Будилович, М. Ф. Владимирский-Буданов). Временем существования феодализма, как правило, обозначали X (XI)—XIII (XIV) вв.; последующие столетия изображались эпохой его упадка. Этот упадок феодализма медиевисты Украины связывали с развитием городов, усилением королевской власти и установлением союза между ними.

Ключевые слова: феодализм, история, историография, медиевисты, средние века, Украина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гроций Гуго*. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, и также принципы публичного права /Пер. с латин. А. Л. Саккетти. — М., 1994.
2. *Удальцова З. В., Осипова К. А.* Типологические особенности феодализма в Византии //Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. — Л., 1974. — Вып. 1.
3. *Решин А. И.* Дар и некоторые аспекты проблемы становления феодализма в современной медиевистике//СВ. — М., 2004. — Вып. 65.
4. *Современные трактовки терминов «феодализм» и «средневековье»: Западная Европа, Византия, Русь*//Ключевые проблемы изучения и преподавания истории Средних веков. Методические материалы. — М., 2006.
5. *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков. — М., 1985.
6. Очерки истории исторической науки в СССР. — М., 1955. — Т. 1; 1961. — Т. 2; 1963. — Т. 3.
7. *Косминский Е. А.* Историография средних веков V—середины XIX в. Лекции. — М., 1963.
8. *Бузескул В. П.* Общий очерк научной деятельности Ф. И. Успенского//Памяти академика Ф. И. Успенского. — Л., 1929.
9. *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX—начале XX вв. — Л., 1929. — Ч. 1; 1931. — Ч. 2.
10. *Вайнштейн О. А.* Историография средних веков. — М.; Л., 1940.
11. *Горянов Б. Т.* Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении//ВВ. — 1947. — Т. 1.
12. *Лаптин П. Ф.* Община в русской историографии последней трети XIX — начала XX в. — К., 1971.
13. *Курбатов Г. А.* История Византии (Историография). — Л., 1975.
14. *Лиман С. И.* Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804—первая половина 1880-х гг.). — Х., 2009.
15. *Тимковский И. Ф.* О поместьях//Речи, произнесенные в торжественном собрании Харьковского университета 30 июня 1810 г. — Х, 1810.
16. *Винокурова М. В.* Английский манор XVI—начала XVII в.: новые подходы к старым проблемам//СВ. — М., 2004. — Вып. 65.
17. *Цых В. Ф.* Решение вопроса: По причине беспрестанного умножения массы исторических сведений и распространения объема истории, не оказывается ли нужным изменить обыкновенный способ преподавания сей науки и какой он должен быть именно, как вообще, так и особенно в университетах? — Х., 1833.
18. *Дьячков И.* О выгодах торгового балланса//Речи, произнесенные в торжественном собрании Харьковского университета 30 августа 1825 г. — Х., 1825.
19. *Gierke O.* Das deutsche Genossenschaftsrecht. — Berlin, 1868. — Bd. 1.
20. [Грановский Т. Н.] Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья. — М., 1961.
21. *Лунин М. М.* Переход средней истории к новой и значение сей последней //ЖМНП. — 1835. — № 7.

22. *Петров М. Н.* Программа для экзаменов по истории средних веков (I и II курс юридич. фак-та). — Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. — 1875. — Д. 1808/с.
23. *Гизо Ф.* История цивилизации в Европе. — 2-е изд./Пер. с фр. К. Арсеньева. — СПб., 1864.
24. *Лунина М. М.* История средних веков: [Лекции проф. М. М. Лунина, записанные студентом Д. Чириковым]. — Отдел рукописей Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. — Д. 545/с.
25. *Лунина М. М.* Новая история [Лекции проф. М. М. Лунина, записанные студентом А. Барышевым]. — Отдел рукописей Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. — Д. 404/с.
26. *Ставровский А. И.* Рассуждение о значении средних веков в отношении к новейшему времени. — К., 1841.
27. *Сливицкий И.* О влиянии колоний на политические перевороты в Европе. — Х., 1839.
28. *Могильницкий Б. Г.* Политические и методологические идеи русской буржуазной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. — начала XX в//Труды Томского государственного университета. — Серия: История. — 1963. — Т. 166.
29. *Авсеенко В. Г.* Итальянский поход Карла VIII и влияние его на Францию//УИ. — 1863. — № 4; № 5.
30. *Лучицкий И. В.* Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции. — К., 1871. — Ч. 1. — Вып. 1.
31. *Функе Ю.* Учебник всеобщей истории (со включением отечественной). Средние века. Курс средних учебных заведений. — К., 1884.
32. *Отчет* о состоянии и деятельности Историко-Филологического института кн. Безбородко в Нежине за 1878–79 учебный год//Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. — 1880. — Т. 5.
33. *Шульгин В.* Рыцарство средних веков, его начало, распространение, дух и влияние на жизнь и образование Европы. — 1840–1841. — Институт рукописей Центральной научной библиотеки НАН Украины им. В. И. Вернадского. — Ф. I. — Д. 1153.
34. *Петров М. Н.* О характере государственной деятельности Людовика XI. — Х., 1850.
35. *Петров М. Н.* Средняя история//Центральный государственный исторический архив Украины. — Ф. 2048. — Оп. 1. — Д. 40–42.
36. *Надлер В. К.* Состояние Западной Европы в конце IX и начале X столетия. — Х., 1865.
37. *Отчет* о состоянии и деятельности Историко-Филологического института кн. Безбородко в Нежине за 1879–80 учебный год//Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. — 1881. — Т. 6.
38. *Программы* преподавания [Киевской духовной академии] на 1863/64 уч. г. и 1864/65 уч. г. //Центральный государственный исторический архив Украины. — Ф. 711. — Оп. 3. — Д. 666.
39. [Учебные программы Киевской духовной академии за 1870/71 г.] Программа преподаваемого студентам Академии в течение 1870/71 уч. года//Центральный государственный исторический архив Украины. — Ф. 711. — Оп. 3. — Д. 895.
40. [Программы по обязательным предметам]. Учебные программы и отчеты преподавателей академии за 1872/73 уч. г. (1873)//Центральный государственный исторический архив Украины. — Ф. 711. — Оп. 3. — Д. 1017.
41. *Шульгин В. Я.* Курс всеобщей истории для воспитанниц благородных институтов и воспитанников гимназий. История средних веков. — К., 1858.
42. [Лучицкий И. В.] Лекции по новой истории. — 70-е гг. XIX ст. — Институт рукописей Центральной научной библиотеки НАН Украины им. В. И. Вернадского. — Ф. 66. — Д. 206.

43. [Фортинский Ф. Я.] История городов в средние века. Лекции Ф. Я. Фортинского 1880–1881 года. — Институт рукописей Центральной научной библиотеки НАН Украины им. В. И. Вернадского. — Ф. I. — Д. 1161.
44. Функе Ю. Учебник всеобщей истории. Средние века. — К., 1884.
45. Каченовский Д. И. Курс международного права. — Х., 1863. — Ч. 1.
46. [Стоянов А. Н.] Программа по истории западных законодательств [1884]. Рукопись студента П. Каменского. — Отдел рукописей Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. — Д. 1802/с.
47. Стоянов А. Н. История важнейших западных законодательств. Курс лекций 1883/84 уч. г. (Запись студента Борщевского). — Х., 1884.
48. Стоянов А. Н. Очерки истории и догматики международного права. — Х., 1875.
49. Кудрявцев П. Н. Лекции. Сочинения. Избранное. — М., 1991.
50. Блок М. Феодальное сословие/Пер. с фр. В. Шовкун. — К., 2002.
51. Владимирский-Буданов М. Ф. Немецкое право в Польше и Литве//ЖМНП. — 1868. — № 8; № 9; № 11; № 12.
52. Будилович А. С. Несколько замечаний об изучении славянского мира. — СПб., 1878.
53. Будилович А. С. Очерки из сербской истории: I. Падение Сербского царства; II. Возрождение сербского народа; III. О взаимных исторических связях народов русского и сербского. — СПб., 1877.
54. Эйхельман О. К вопросу об истории международного права и истории его литературы. [Рец.]/УИ. — 1885. — № 1. (Мартенс Ф. Ф. Современное международное право. — СПб., 1882–1883. — Т. 1–4).
55. Успенский Ф. И. Значение византийских занятий в изучении средневековой истории (Вступительная лекция)//Записки Новороссийского университета. — 1875. — Т. 16.
56. Успенский Ф. И. К истории крестьянского землевладения в Византии//ЖМНП. — 1883. — № 1; № 2.
57. Наумов Е. П. К истории византийской и сербской прониции//ВВ. — 1973. — Т. 34.
58. Никита Хониат о прониции при Мануиле Комнине//Сборник документов по социально-экономической истории Византии/Под ред. акад. Е. А. Косминского. — М., 1951.
59. Успенский Ф. И. Значение византийской и южнославянской прониции//Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. — СПб., 1883.
60. Острогорски Г. Пронија. Прилог историји феудализма у Византији и у јужнословенским земљама//Српска Академија наука. Посебна издања. — Београд. — 1951. — Књ. 176.
61. Литаврин Г. Г. Византия и славяне. — СПб., 1999.
62. Сюзюмов М. Я. Внутренняя политика Андроника Комнина//ВВ. — 1957. — Т. 12.
63. Хвостова К. В. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии (XIV–XV вв.). — М., 1968.
64. Хвостова К. В. Особенности византийской цивилизации. — М., 2005.
65. Oikonomides N. The Properties of the Deblitzenoi in 14th and 15th centuries//Charanis Studies. — New Brunswick. — 1980.
66. Каждан А. П. 1956. [Рец.]/ВВ. — Т. 10. (Ostrogorskij G. Pour l'histoire de la feodalite byzantine. — Bruxelles, 1954. — XVI, 388 p).
67. Lemerle P. The Agrarian History of Byzantium: From the Origin to the Twelfth Century: The Sources and Problems. — Galway, 1979.
68. Ahrweiler H. Pronoia a Byzance: Structures féodales et féodalisme dans l'Occident Méditerranéen (X–XIII siècles). — P., 1980.
69. Svoronos N. Le domaine de Lavra sous les Paleologue//Actes de Lavra/ed. A. Guillou, P. Lemerle, D. Papachryssanthou, N. Svoronos. — P., 1982. — Vol. 4.
70. Лиман С. И., Сорочан С. Б. Византия в трудах историков украинских земель Российской империи в 1874–1885 гг.//Stratum plus. — СПб.; Кишенев; Одесса; Бухарест, 2005–2009. — Вып. 5.

Резюме

Лиман С. І. Вивчення проблеми феодалізму в працях медієвістів України (1804—перша половина 80-х рр. ХІХ ст.)

Стаття присвячена вивченню сутності феодалізму на ранньому етапі розвитку вітчизняної медієвістики. Підкреслюється, що саме феодалізм медієвісти найчастіше показували серед головних домінант середньовічної епохи. Відзначається порівняно раннє позначення дослідниками не тільки політико-правових, але і соціально-економічних ознак феодальної системи, звертання до окремих аспектів торгово-промислового розвитку і поземельних відносин (І. Ф. Тимковський, І. О. Сливцький, Ф. Я. Фортинський, Ф. І. Успенський). Проте серед складових цієї системи в цілому домінували політична роздробленість і боротьба знаті проти центральної влади. Країною класичного феодалізму звичайно визнавали Францію. Розробка поняття феодалізм велася, насамперед, на західноєвропейському матеріалі, оскільки медієвісти України вважали, що в слов'янські землі він був привнесений ззовні. Часом існування феодалізму, як правило, позначали X (XI)—XIII (XIV) ст.; наступні століття зображувалися епохою його занепаду. Цей занепад феодалізму медієвісти України пов'язували з розвитком міст, посиленням королівської влади і встановленням союзу між ними. Такі наукові підходи були закономірним відображенням прогресивних теорій у загальноросійській і європейській медієвістиці.

Ключові слова: феодалізм, історія, історіографія, медієвісти, середні віки, Україна.

Summary

S. Liman. Study of the Problem of Feudalism in Works of Medievalists of Ukraine (1804—First Half of 1880s)

The article is devoted to study of the essence of feudalism at the early stage of development of domestic medievalists. It is emphasized that medievalists presented most often just feudalism among the basic dominants of Middle Ages. Author noted a relatively early distinguishing by researchers of not only political and legal, but also of social economic traits of feudal system, attention to particular aspects of trade and handicraft development of cities and of agrarian relations (I. F. Tymkovskiy, I. A. Slyvitskiy, F. Ya. Fortinskiy, F. I. Uspenskiy). However, among the components of that system as a whole political dissipation and struggle of nobility against central power dominated. Usually France was treated as the classic country of feudalism. The development of the very concept of feudalism took place first of all on the material of Western Europe, as Ukrainian medievalists considered it to be brought from outside to Slavic lands. The time of existence of feudalism was referred, as a rule, to X (XI)—XIII (XIV) centuries; subsequent centuries were shown as the age of its decay. Ukrainian medievalists connected this decay to urban development, strengthening of royal autocracy and formation of alliance between them. Such scientific approaches naturally reflected progressive theories in Russian imperial and European medievalists.

Key words: feudalism, history, historiography, medievalists, Middle Ages, Ukraine.

